

О понятии «Средние века» и его содержании

Аннотация. В последние годы в отечественной и зарубежной историографии активно обсуждается понятие «Средние века», в том числе его хронологические рамки, внутренние временные водоразделы, применимость к другим регионам, нежели Западная Европа и Средиземноморье, его социальное и культурное наполнение. Высказывалось мнение, что это понятие вообще лишено объективного содержания и с момента своего возникновения в эпоху Возрождения является проекцией размышлений ученых разных школ и поколений о прошлом и об их собственном времени. Соответственно предлагается изучать не столько Средневековье как таковое (кроме, разве что, отдельных периодов и частных аспектов его истории), сколько его образы, сложившиеся на разных этапах развития медиевистики, а также определиться с тем, какой новый образ нужен нашим современникам, и исходить из этого в своих исследованиях. При написании статьи были использованы общенаучные методы, а именно исторический и логический, а также историко-системный и лингвистический методы. Автор пришел к выводу, что идею о бессодержательности понятия «Средние века» необходимо рассматривать в контексте более общих историографических дискуссий об историзме, о пригодности научных концептов нашего времени для изучения прошлого и о самом предмете исторического исследования, в частности, о целесообразности занятий «глобальными вопросами». В статье демонстрируется, что тезис о бессодержательности этого понятия не доказан, как не доказано, что концепт феодализма изжит в современной историографии и ничего не дает для понимания Средневековья. Автор показал, что этот тезис связан с уходом от анализа системы общественных отношений в средневековом мире, анализа, который бы позволил понять этот мир в его целостности. Ставится вопрос о месте средневековой европейской цивилизации в истории с точки зрения ее культурных достижений и уникальной способности к дальнейшему развитию без общественных катастроф. Высказано предположение, что эта способность сама по себе является важнейшей характеристикой эпохи Средневековья.

Ключевые слова: Средние века, Новое время, европейская цивилизация, медиевистика, медиевализм, история понятий, отношения собственности, феодализм, вассально-ленные отношения, сеньория.

Annotation. Contemporary Russian and foreign historiography is actively discussing the concept of the Middle ages. Some of the key problems concerning this notion include its chronological frame, its watershed temporal marks, its applicability to regions other than Western Europe and the Mediterranean, and its socio-cultural content. Opponents of this term have put forward claims that this concept lacks an objective basis and that from its appearance during the Renaissance, it has been no more than a projection of the ideas of scholars from different schools and epochs about the past and their own times. In this line of reasoning we are advised not to study the Middle ages as such (with the exception of particular periods and phenomena), but rather to assess this notion at different stages of historiography and decide what particular perception is necessary for our own contemporary society and, consequently, conduct our research accordingly. In writing this article the author made use of the general scientific methods, i.e. the historical and logical methods, as well as the systematic and linguistic methods. The author demonstrates that the critics of the notion of Middle ages have failed to prove its ontological emptiness, just as they have failed to prove this for the concept of Feudalism, which as they claim has been discarded by modern historiography as useless for the understanding of the medieval world. The author comes to the conclusion that the idea of the ontological emptiness of the discussed notion should be considered in the context of the more general historiographical debates about historicism, the pertinence of contemporary scientific concepts for the study of history, and the very subject of historical research, including the expediency of posing "global questions" in history. The article shows that the refutation of the notion of Middle ages is connected with the refusal of studying the system of social relations that enables us to apprehend the medieval world in its wholeness. The author also considers the place of Medieval European civilization from the point of view of its cultural achievements and its unique capability of evolution without causing major social catastrophes. A hypothesis is advanced that this capability is in itself a most important characteristic of the Medieval epoch.

Key words: Middle ages, Modern History, European Civilisation, medieval studies, medievalism, history of notions, property relations, Feudalism, fiefs and vassalage, seigneurie.

За последние несколько лет в Москве состоялись два больших научных симпозиума, посвященных понятию «Средние века», его истории и наполнению. Первый прошел в 2008 г. в Институте всеобщей истории РАН в рамках читательской конференции журнала «Средние века» [15]. Второй, названный броско «Шестое Средневековье», был организован в 2012 г. в Высшей школе экономики и задуман как реакция на статью М. А. Бойцова «Средневековье – в “реальности” или только в нашем сознании?», опубликованную незадолго до этого в Интернете [2]. Первый симпозиум был посвящен по большей части хронологическим рамкам Средних веков и применимости этого термина к обществам, сложившимся за пределами Западной и Южной Европы. Второй – самому наполнению термина и вопросу о том, имеет ли он какое-то объективное содержание или все дело в субъективном восприятии этой эпохи историками разных школ, направлений и поколений.

По мнению М. А. Бойцова, в истории медиэвистики можно выделить пять крупных эпох, каждая из которых сформулировала свое видение Средневековья, обусловленное потребностями интеллектуальной элиты, как всегда, размышляющей о своем собственном времени. Теперь же, как и следовало ожидать, наступает шестая эпоха – ведь едва ли не каждое поколение ползает, что живет на рубеже старой и новой эры. Автор считает если не доказанным, то самоочевидным, что какого-то особого онтологического содержания у Средневековья не было, и предлагает отказаться от дальнейших попыток его обнаружить. Изучать же, на его взгляд, наряду с конкретными событиями и явлениями, имевшими место в Средневековье, следует его *образы*, созданные в ту или иную эпоху, а заодно размышлять о том, какое же Средневековье нужно людям нашего времени и нужно ли оно им вообще.

Эта мысль не нова, но сформулирована с таким блеском и с таким напором, что стала ассоциироваться в нашей науке с именем М. А. Бойцова, с чем его, несомненно, нужно поздравить. Но воздадим должное и его предшественникам, которые также убеждали читателей в том, что в прошлом мы можем исследовать не столько реальность, сколько наши собственные образы этой реальности, да и прямо писали об «изобретении Средневековья» историками. Сошлюсь хотя бы на названную именно так книгу американского медиэвиста Нормана Кантора

[18], очень интересную и полезную, но в России почему-то почти неизвестную, а также на книгу французского историка Алена Герро «Будущее неопределенного прошлого: какой будет медиэвистика в XXI веке?» [25], которую в России все же знают и цитируют. Как бы там ни было, выдвинутый М. А. Бойцовым тезис вызвал живой отклик участников конференции 2012 г., хотя некоторые из них высказали сомнения в правильности выбранных им историографических и общекультурных водоразделов. Эта мысль также заслуживает обсуждения, но сейчас я хотел бы сосредоточиться на другом аспекте статьи М. А. Бойцова, а именно: на утверждении, что Средневековье лишено какого-либо объективного содержания.

На первый взгляд это утверждение настолько банально, что непонятно, что же тут обсуждать. Ведь ясно, что «Средневековье» – это историографическая условность, если угодно, этикетка или, как предложил в ходе той же конференции М. В. Дмитриев, навигатор, помогающий нам работать над более частными проблемами и формулировать на понятном для коллег и других читателей языке свои наблюдения и идеи. И действительно, как бы мы могли общаться и дискутировать, если бы каждый выдумывал свои собственные термины и логические конструкции? Но я не сомневаюсь, что за фасадом этой научной провокации кроется что-то серьезное, а именно: призыв к ученому сообществу поразмыслить о своем ремесле и его полезности, о своем месте в мире, а также о месте своей эпохи в истории.

Нужно признать, что тезис об онтологической бессодержательности понятия «Средние века» и его обусловленности исключительно стремлением интеллектуалов Нового времени понять свою собственную эпоху в наши дни звучит все чаще и громче. От разговоров об условности этого понятия его критики постепенно переходят к постулированию его ненужности или по крайней мере очень малой полезности. И если еще относительно недавно говорили по большей части о его неудачности как этикетки, то сегодня акцент делается на том, что флакон, на который она наклеена, либо пуст, либо наполнен чем-то столь аморфным, что его содержимое в принципе невозможно обозначить при помощи этой или какой-то другой этикетки. А значит, эту эпоху следует рассматривать исключительно сквозь призму представлений историков разных поколений и школ. То, что подавляющее боль-

шинство профессионально работающих медиевистов не разделяют это мнение, не так уж важно, поскольку научные споры голосованием не разрешаются и возмутители спокойствия испокон веков более влиятельны, чем мирно и тихо трудящиеся консерваторы и конформисты.

Следует сказать прямо, что по крайней мере в некоторых случаях обозначенная позиция далеко не в последнюю очередь вызвана желанием попросту создать шум и привлечь внимание к своей персоне, а иногда и неспособностью этой персоны успешно работать в реальной науке и выдвигать действительно новаторские идеи. В русских драматических театрах, в том числе тех, где ставят «Горе от ума» и произносят со сцены знаменитое «шумим, братец, шумим», давно установили, что самым простым способом создания за кулисами шумового эффекта является многократное повторение на несколько голов фразы: «О чем говорить, когда не о чем говорить?» На ум приходят также строчки Высоцкого, ставшие музыкальной заставкой популярной передачи на радиостанции «Эхо Москвы»: «Эх, ребята, все не так, все не так, ребята!» Но «Эхо» наряду с передачей «Не так», призванной опровергать и ниспровергать устоявшиеся представления об истории, в дальнейшем организовало также другую, менее революционную – «Все так», – тогда как многие наши историки сделали «нетакство» не только своей визитной карточкой, но и смыслом существования. Слов нет, от заблуждений прошлого следует избавляться, над ними можно и подтрунить, особенно если они возникли не в результате просчета вдумчивого исследователя, который мог к тому же не располагать всеми данными, доступными нам, а в силу идеологической зашоренности или политической ангажированности. Однако ясно и то, что рассуждать об «истории вообще» или о «методологии истории» намного проще, чем ее изучать, и это хорошо понимали бойкие методологи советской эпохи, да и едва ли не всех других эпох. Но данный случай особый. Поскольку к тезису о пустоте понятия «Средние века» возвращаются снова и снова, в том числе люди, бесспорно, умные и кое-что сделавшие в настоящей науке, разумно предположить, что проблема все же не надуманная, а вполне реальная, отражающая какие-то глубинные тенденции развития исторического знания.

Рефлексия нужна гуманитарной науке как воздух. Без нее она чахнет, буксует, оказывается не способной ни переварить и обобщить новую

информацию, ни ответить на разнообразные вызовы времени. Периодическая инвентаризация понятийного аппарата является в этом смысле одной из ключевых задач нашей науки, и понятие «Средние века» никак не исключение. Вопросы к нему, конечно, есть. По большому счету их можно объединить в три группы.

Во-первых, с тех пор как ученые заговорили о Средневековье, они спорят о его хронологических рамках. Чаще всего его начало датируют 476 г. и доводят до конца XV, или до середины XVII, или до конца XVIII в. В последние десятилетия этот спор принял несколько иные формы. Обсуждают, оправданно ли наряду с понятиями «Древность», «Средние века» и «Новое время» говорить о переходных периодах, а именно: о «поздней Античности» и «раннем Новом времени». Первый датируется приблизительно с конца III в. до середины VIII в., второй – с рубежа XV–XVI в. до начала Великой французской революции и промышленного переворота, хотя высказывались и другие точки зрения [23]. Модификацией этих дискуссий стало предложение Жака Ле Гоффа различать «короткое» (до конца XV в.) и «долгое» (до конца XVIII в.) Средневековье [7]. Эта идея уже прижилась в России [5], удивительным образом возрождая бытовавшее почти до Великой Отечественной войны представление о том, что Средние века заканчиваются лишь в 1789 г. Такова, как известно, была датировка этой эпохи, предложенная в первом, еще предвоенном, советском учебнике для вузов, в котором понятие «средневековый» было почти что синонимом понятия «феодальный». Спорят сегодня также о водоразделах и кризисах, имевших место в течение Средневековья (феодальная революция X–XI вв., кризис XIV в. и т. д.). Вопросы, связанные с периодизацией, особые, требующие специального рассмотрения, и я ограничусь здесь замечанием, что сам я понимаю под Средними веками период с падения Рима в 476 г. до главных Великих географических открытий в конце XV в.

Во-вторых, это вопрос о применимости понятия «Средневековье» к тем обществам, например германскому или славянскому, которые не знали Античности и перешли к цивилизации непосредственно из варварского, во многом еще первобытного состояния. Этот вопрос, очень актуальный для истории России, также активно обсуждался в последнее время в нашей историографии [10]. Суть моей позиции состоит в том, что большинство «варварских» народов Евра-

зии и Северной Африки находились в Древности в тесном контакте (политика, торговля, наемничество) с цивилизациями той эпохи (греко-римской, персидской, китайской и т. д.), составляли их периферию и испытывали с их стороны очень мощное влияние, дополненное в дальнейшем восприятием их культурного наследия. Поэтому при ближайшем рассмотрении эти народы оказываются сопричастными цивилизациям Древности, соответственно применительно к их истории понятие «Средние века» достаточно информативно. Этого нельзя сказать о народах и обществах Америки, Океании, Южной Африки, крайнего севера Азии, развивавшихся до начала Нового времени в отрыве от древних цивилизаций Старого света. Обозначение их истории с V по XV в. термином «средневековый» ничего не дает для ее понимания. И все же наибольшее познавательное значение это понятие по-прежнему имеет для истории Европы, Средиземноморья и примыкающих к ним стран Ближнего Востока. Эта часть мира мне лучше известна, наиболее интересна, и говорить я буду в основном о ней.

Третий вопрос, заслуживающий внимания, – о социокультурном содержании понятия «Средние века». На нем я и хотел бы остановиться в этой статье.

Думаю, мы приблизимся к пониманию этой проблемы, если вспомним, что каких-то два поколения назад она не была актуальной. О ней, конечно, знали, но интересовались совсем другими сюжетами. Что же изменилось с тех пор? Рискну предположить, что дело главным образом в том, что введение в научный оборот огромного объема новой информации о Средневековье, в том числе о таких его аспектах, которые ранее почти не изучались медиевистами, не сопровождалось адекватными попытками ее обобщения с точки зрения того, как она вписывается в уже накопленное знание и что привносит в наше понимание той эпохи. К сожалению, исследования становятся все более частными, узкими и при этом самодостаточными, не связанными с общими проблемами истории. Медиевисты все реже читают за пределами своей узкой специальности. Немудрено, что в наши дни профессиональные историки, работающие с источниками, редко размышляют о Средневековье в целом и даже об отдельных его этапах.

Осмысление этой эпохи (возможно, больше, чем какой-либо другой) в последние десятилетия тесно связано с двумя интеллектуальными

искушениями, очень разными по существу, но логически близкими.

Первое искушение можно условно назвать презентизмом. Суть его в том, что прошлое дозволено изучать, свободно применяя к нему понятия нашего времени. Так, в советское время было принято говорить о политической экономии феодального, античного и даже первобытного общества. Сегодня так уже не скажут, но в ходу у историков, в том числе медиевистов, по-прежнему множество понятий, порожденных гораздо более поздними эпохами, например эксплуатация крепостных и репрезентация власти. Конечно, в этих случаях речь идет о том, чтобы при помощи логического инструментария современной науки в общих чертах описать и объяснить явления, существовавшие в прошлом в том или ином виде, но не имевшие абстрактного обозначения. Однако нередко мы сталкиваемся с прямым переносом не только общенаучного понятийного аппарата, но и частной терминологии нашего времени в далекое прошлое и в другие регионы, где развитие шло существенно иначе, чем в европейском мире, и где зачастую ничего похожего на эти понятия, термины и стоявшие за ними реальные явления не возникло. Более того (и это самое прискорбное): нередко термин нашего времени подменяет собой термин изучаемой эпохи, что чревато искажением сути явления. Так, в западной историографии периодически встречаются упоминания об активах, авуарах и капитале античных храмов и средневековых монастырей, об античных и средневековых фермерах, о политическом истеблишменте варварского общества и т. д. Налицо не только стилистический анахронизм, но и недопонимание самих явлений прошлого. Не так уж редко это искушение принимает крайние формы, малосовместимые с наукой: что происходило в прошлом, мы толком понять не можем, поэтому будем моделировать его по своему усмотрению и сообразно своим целям, а если наши модели противоречат данным источников, тем хуже для источников.

Хотелось бы привлечь внимание к тому факту, что и в зарубежной, и в отечественной научных традициях считается возможным говорить об институте собственности применительно к очень ранним обществам, например к Древнему Риму за 400–500 лет до появления в латыни термина «собственность» и даже к древнему Израилю, хотя в древнееврейском языке этот термин вообще не возник. В обоих

случаях мы имеем дело с очень примитивными представлениями об имуществе, которые крайне сомнительно объяснять при помощи понятия «собственность». Замечу мимоходом, что в обоих языках не было и абстрактного понятия «имущество», а в иврите – даже глагола «иметь»! По аналогичным причинам (впрочем, есть и другие аргументы, юридические и экономические) весьма спорно применение понятия «собственность» к правовым реалиям раннесредневековых обществ Европы, по крайней мере, его северной – «варварской» – половины. На мой взгляд, в основе этого логического сбоя лежит забвение или недопонимание того очевидного факта, что вне языка нет мышления, а значит, и абстрактных понятий. В наши дни, учитывая растущий интерес историков к *Begriffsgeschichte*, доказывать это даже неловко.

Что касается распространения понятия «собственность», обозначающего очень специфическое представление о праве на имущество, характерное лишь для весьма развитых обществ, на общества явно архаические, то в отечественной историографии оно имеет также особые причины, связанные с ошибочным толкованием марксистского понятия «отношения собственности» (*Eigentumsverhältnisse*). Лексически оно явно не оптимально, поскольку охватывает самые разные правоимущественные отношения, в том числе по поводу владения и держания, но поскольку Маркс писал почти исключительно о капитализме, в котором институт собственности, а значит, и отношения собственности в узком смысле слова играют ключевую роль, эта двусмысленность не имела принципиального значения. Когда же понятие «отношения собственности» стали применять к раннему античному или раннему средневековому обществу, двусмысленность стала разительной: института собственности нет, но отношения собственности есть. Более того, в сознании многих ученых, в том числе весьма достойных, произошла логическая абберрация: раз применительно к архаическим обществам можно говорить об отношениях собственности, значит, там есть и институт собственности. В доказательство приводятся любые слова, встречающиеся в источниках, обозначающие едва ли не любые формы обладания имуществом, и даже слова, обозначающие субъекта правоимущественных отношений, например латинское слово *dominus*, которое, если речь идет о царском или раннереспубликанском Риме, следует переводить, конечно, не как «соб-

ственник», а в его исходном смысле – «домохозяин», «господин в своем доме». Впрочем, для подобного анахронизма есть и другие причины, в том числе влияние модернизаторских идей, свойственных многим школам истории права, особенно римского права, сложившихся в XIX и начале XX вв.

Второе искушение, которое условно можно назвать гиперисторизмом, противоположно первому. Суть его в том, что общество можно описать и объяснить лишь в понятиях самого этого общества, соответственно понятийный аппарат и терминология, характерные для нашего хронотопа, при изучении прошлого, по сути, бессильны. Одним из самых влиятельных адептов этого подхода в нашей стране был А. Я. Гуревич, написавший много убедительного в пользу этого подхода и старавшийся применять его в своих работах. В частности, он последовательно называл норманнских правителей не королями, а конунгами, что, безусловно, правильно. Но вот какое дело: его викинги плавали по Атлантическому океану, хотя об этом никак не догадывались, поскольку лишь в XVI–XVII вв. европейцы стали называть этот океан Атлантическим. Он писал, конечно, что норманны жили на севере Европы. Между тем до проникновения в Скандинавию христианской латинской культуры они об этом не подозревали, как не подозревали и о том, что являются скандинавами. Их потомки стали называть себя скандинавами лишь в XIX в. И уж, конечно, норманны, как и их современники в других странах Европы, не знали, что живут в Средневековье, поскольку, как и во все времена, люди той эпохи считали, что живут в современности, что возвращает нас к началу разговора... Можно, разумеется, возразить, что речь здесь идет об обозначениях, внешних по отношению к исторической специфике норманнского общества, так что при таком словоупотреблении страдает главным образом стилистическое единство повествования. Но ведь А. Я. Гуревич говорил и о язычестве норманнов, хотя они, естественно, не осмысливали так свою религию, и о крестьянстве средневековой Скандинавии, хотя подобная абстракция была глубоко чужда людям того времени, и о том, кто в их мире являлся собственником земли (хотя в других работах он доказывал, что понятие «собственность» вряд ли применимо к тому обществу [4]), и о королевской власти и королевствах норманнов...

Последние два примера, возможно, наиболее показательны, так как свидетельствуют,

что сам язык, на котором говорит и пишет исследователь, ставит пределы самым честным попыткам изложить историю других эпох и других стран на языке изучаемого им общества. В самом деле, в современный научный русский язык вошло германское слово «конунг», но от него невозможно образовать благозвучное прилагательное или существительное, обозначающее племенную общность или государство, возглавляемое конунгом. Вот и приходится говорить «королевский», «королевство», хотя применительно к миру норманнов, тем более древних германцев, использование этих слов не вполне адекватно. Напомню, что в их основе лежит германское имя *Karl*, скорее всего, в его латинской форме *Carolus*, которое носил самый знаменитый и выдающийся из ранне-средневековых правителей Западной Европы – франкский государь Карл Великий, умерший в 814 г. в статусе римского императора и произведший сильное впечатление на соседей. Западные славяне восприняли его имя как титул, у них его заимствовали и восточные славяне. И если мы называем так Людовика XIV или даже Гуго Капета, вряд ли правильно называть так же Алариха или Харальда Прекрасноволосого. По очевидным причинам еще менее уместно применять к миру готов или норманнов слова «царская власть» и «царство». С большим основанием можно было бы говорить о «княжеской власти» и о «княжестве». В конце концов славянское слово «князь» либо происходит от германского «конунг», либо по крайней мере родственно ему и обозначает правителя примерно того же типа и той же стадии развития. Однако привычное для русского уха противопоставление князя и царя или князя и короля столь определенно, что во избежание недоразумений вряд ли стоит говорить и о княжествах норманнов. Итак, конунги, стоящие во главе королевств... Замечу, что эта несообразность никак не говорит об ущербности русского языка по сравнению с другими. В знакомых мне западноевропейских языках этой проблемы нет по совсем другой причине: немецкое *König*, английское *king* (конечно, родственные словам *konung* и *князь*), французское *roi*, образованное от латинского *rex*, применяются в равной мере и без видимых затруднений к правителям и глубокой древности, в том числе догосударственного периода, и Средневековья, и наших дней... Является ли такой подход проявлением антиисторизма или, напротив, понимания того, что любой

социальный институт изменчив по определению, предоставляю решать читателям.

Сходным образом в русском языке нет глагола, однокоренного слову «собственность», поэтому в России собственностью владеют, хотя «собственность» и «владение» – институты разные. В романских языках, в которых собственность обозначается словом, производным от латинского *proprietas*, существует та же проблема. Иное дело английский язык, где наряду со словами латинского корня *property* и *possession* имеется германское по происхождению слово *ownership*, образованное от глагола *to own*; они родственны немецкому существительному *Eigentum*, которому, увы, нет пары в виде глагола того же корня. Но в Англии, где правовая жизнь уже много столетий регулируется *Common Law*, к отчаянию исследователей из континентальной части Европы, понятие *ownership* покрывает и *property*, и *possession*, так что иной раз нам очень трудно понять, о каком правоотношении идет речь. И наоборот, когда англичане, не разобравшись в системе понятий европейского континентального права, начинают в привычных им терминах трактовать данные французских или немецких источников эпохи Средневековья, конфуз неизбежен. Главный просчет Сьюзен Рейнольдс как раз и состоял в том, что практически любой термин, обозначающий в этих источниках имущество или право на него (*alod, feodum, beneficium, tenementum...*), она была готова переводить как *property* – «собственность» [31].

Но дело, конечно, не только и даже не столько в степени лексической гибкости русского или какого-то другого современного языка, а в самом мышлении историка, неизбежно думающего на языке, отличном от того, на котором говорило общество, являющееся объектом изучения. Это может быть совсем другой язык, это может быть родной язык, но другой эпохи, однако в обоих случаях отличия в языке неминуемы, как неминуемы отличия в мышлении. Поэтому логический инструментарий историка всегда в той или иной мере, иногда огромной, не совпадает с логическим инструментарием людей, которых он изучает, а чаще – с той более или менее осознанной и более или менее оформленной системой понятий, которыми они пользовались в своей жизни. Вопрос о том, можно ли в современных нам понятиях выразить социокультурные представления удаленного от нас во времени и пространстве общества, вполне правомерен. Но не менее правомерен и не менее важен другой вопрос: а можно

ли в принципе выразить эти представления иначе, чем в понятиях современной науки?

Эта проблема слишком сложна, чтобы пытаться решить ее в рамках небольшой статьи. Но ее нужно хотя бы осознать. Модернизация в этом случае немногим менее опасна, чем нарочитое использование одних лишь терминов наших источников. Это непростая задача, и я совсем не имею в виду отделаться от нее, сказав, что истина лежит где-то посередине между презентизмом и гиперисторизмом. Как говорил Гете, посередине лежит не истина, а проблема. Но достижение разумного баланса между двумя подходами, по моему убеждению, совершенно необходимо.

Очевидно, что вопрос о правомерности использования понятия «Средние века» связан с гиперкритическим подходом к истории. Ведь логика критиков этого понятия, по большому счету, именно такова: раз люди той эпохи ее так не называли и даже не догадывались, что живут в Средние века (к слову, это относится и к Античности), значит, это понятие является всего лишь данью более поздней историографической традиции и вполне правомерно перейти от изучения Средневековья как такового к изучению его образов, родившихся в головах исследователей, а заодно и читателей, разных эпох. Но ведь образ всегда отражает реальность, на то он и образ, другое дело, какие грани этой реальности и насколько точно...

Добавлю, что отсюда всего шаг до презентизма: коль скоро Средневековье лишено объективного содержания, его дозволено рисовать так, как заблагорассудится тому или иному медиевисту. Конечно, я далек от мысли приписывать М. А. Бойцову призыв к произвольному толкованию того, что происходило в Средние века. Любой сколь-нибудь серьезный исследователь исходит из суммы знаний, накопленных его предшественниками, и некоторые параметры, характеризующие изучаемую эпоху, например демографические, скорее всего, будут восприняты как данность или же – но это совсем другой случай – станут предметом специального исследования. Но не фантазий, во всяком случае, в научном сообществе.

В идее «Шестого Средневековья» при желании можно услышать даже призыв к осознанию социальной ответственности историка, который, на мой взгляд, должен все-таки соотносить свои академические интересы с интересами и запросами своих современников. Это касается

как тем исследований, так и жанров, в которых он работает. В этом смысле приглашение подумать о том, какое Средневековье нужно нашей эпохе, следует только приветствовать. Но эта мысль дорога, скорее, А. Герро, чем М. А. Бойцову, который делает акцент совсем на другом. Если абстрагироваться от других его публикаций и исходить только из положений данной статьи, Средневековье (возможно, и любая другая эпоха) для него не столько объект научного исследования, который каждое поколение трактует и использует, разумеется, по-своему, сколько зеркало, в которое смотрится каждое поколение, размышляя о самом себе, возможно, даже только о самом себе.

Такой подход вполне допустим и может дать интересные результаты, но они будут относиться не к Средним векам, а к Новому времени. В самом деле, образы Средневековья, сложившиеся в XVI или XX веках, как и всякие другие образы, являются достаточно важными фактами культуры. Более того, этот подход уже дал результаты, возникло даже целое научное направление, изучающее представления, в том числе не медиевистов и вообще не историков, о Средневековье. С легкой руки Умберто Эко оно получило название «неомедиевализм» (впрочем, едва ли не чаще говорят просто «медиевализм») и, несомненно, заслуживает внимания и даже поддержки. Регулярное обращение художественной литературы и кинематографа последних десятилетий к сюжетам реальной средневековой истории, как и все большая популярность жанра фэнтези, в котором вымышленные миры очень часто изображаются как псевдосредневековые, подтверждают этот тезис, и профессиональные историки могли бы внести свою лепту в объяснение этого удивительного феномена, несомненно, важного для понимания современного общества. Но вполне очевидно, что подобные штудии мало или вовсе ничего не дадут нам для понимания самого Средневековья. Его материальная субстанция растворяется в эфире воображения, питаемого постмодернизмом...

Можно возразить, что эти штудии никак не мешают изучать те или иные аспекты истории Средневековья как такового. Это, безусловно, так, и критики понятия «Средние века» никоим образом не отказываются от анализа конкретных событий и явлений той эпохи. Более того, можно не сомневаться, что результаты собственных исследований, выполненных в этом ключе, они оценивают как достаточно объективные

и не сводимые к проблематике медиевализма. Словом, речь не идет о принципиальной непознаваемости прошлого или о заведомой гадательности наших предположений о конкретных событиях и явлениях, имевших место в истории. Пафос критиков состоит в отрицании целесообразности и самой оправданности изучения «глобальных вопросов» истории Средневековья. Ведь коль скоро у этого понятия нет объективного содержания, значит, всякая попытка выявить характерные черты и общие закономерности развития средневековых обществ (вероятно, и других) не только обречена на неудачу, но и попросту бессмысленна. Об этом недавно хорошо написала Н. А. Хачатурян [14].

Я отдаю себе отчет в том, что профессиональный историк не может не заниматься частными сюжетами. Не будучи специалистом в какой-то достаточно узкой области знания, невозможно считаться профессионалом. Но это вовсе не значит, что историк должен замыкаться в кругу частных сюжетов и не соотносить их с общими проблемами истории, по крайней мере той эпохи, которую он изучает. Но именно это происходит в наши дни, притом все чаще, и результаты этого процесса плачевны. Наиболее очевидный из них – это недостаточная отрефлектированность историками целых групп понятий, которыми они пользуются при изучении прошлого, не исключая и тех, что считаются ключевыми. В отношении многих понятий, например понятия «собственность», в ученом сообществе царит такая неразбериха, что возникновение мысли об онтологической бессодержательности понятия «Средние века» вполне закономерно. Попытка разъяснить в небольшой статье социокультурное содержание этой эпохи была бы самоуверенной и легкомысленной. Но я отважусь сказать несколько слов в ответ тем, которые с завидной уверенностью утверждают, что знают, что *не* является таким содержанием, а также выскажу некоторые соображения о том, что им *может* являться.

В первом случае невозможно обойти вопрос о соотношении понятий «Средние века» и «феодализм». Я не считаю их идентичными ни с точки зрения хронологии (ясно, что феодальный строй сложился далеко не с первых столетий Средневековья, а кое-где его надолго пережил, кроме того, значимые элементы феодального строя встречаются и в другие периоды истории, в том числе за пределами Европы), ни с точки зрения сути этих понятий. Не секрет, что

понятие «феодализм» никак не исчерпывает богатство социальной, правовой, политической и экономической жизни Средневековья, не говоря уже о сфере культуры, повседневной жизни, технологиях, демографии... Но правильно ли на этом основании объявлять ту сумму признаков, которую в России привычно называют феодализмом, несущественной для изучения Средних веков? Мало ли какое явление не покрывает полностью ту эпоху! Давайте тогда на этом основании не будем изучать сословия, корпорации, натуральное или товарное хозяйство...

Между тем в нашей историографии последних 20 или 30 лет, причем гораздо более явно, чем в западных научных школах, вошло в привычку говорить с умудренной усталостью в голове и с ритуальными ссылками на Э. Браун [17] и С. Рейнольдс [31], что феодализм, «конечно», никогда не существовал и «никто в наши дни» иначе не думает. При этом у нас очень мало кто читал их работы. Обращение к ним не оставляет сомнения в том, что предметом размышлений обеих исследовательниц является система вассально-ленных отношений, а вовсе не феодализм в привычном для российского историка смысле. С. Рейнольдс прямо написала, что система отношений между сеньорами и зависимыми крестьянами, то есть феодализм в «марксистском смысле», была вынесена ею за скобки исследования как имеющая, по ее мнению, лишь косвенное отношение к проблеме феода, которая ее и интересовала в первую очередь.

К сожалению, я не знаком лично с С. Рейнольдс, но несколько лет назад я обсуждал «феодальную проблематику» с Э. Браун и убедился, что, при всей ее учености, она несколько упрощенно (скажем так) смотрит на проблему соотношения исторически и географически конкретных реалий общественной жизни и абстрактных логических понятий, призванных их выразить и объяснить. В самом деле, разве региональное многообразие общественных форм, связываемых обычно с понятием вассально-ленных отношений, и их изменчивость во времени перечеркивают возможность обобщений и выведения некоего «идеального типа» и конструирования соответствующего абстрактного понятия? Иначе понятия «государство», «религия», «деньги», «семья» и тысячи других, не исключая и понятие «наука», также не имеют права на существование. Важно, чтобы названные выше логические операции были произведены корректно и чтобы полученные в результате аб-

страктные понятия не подменяли собой исторические реалии. Самое удивительное, что противоположная позиция была наиболее четко озвучена не в постсоветской России, где сталинские в основе своей представления о феодализме за годы господства «единственно верного учения» действительно набили оскомину, а в США и в Англии, где как будто никакой «тирании конструкта» не было. Даже конструкта под названием «вассально-ленные отношения», не говоря уже о феодализме, понимаемом как общественно-экономическая система. Так, возможно, дело все-таки в том, что занятие подобными сюжетами предполагает хотя бы некоторое знакомство с философией?..

Когда я слышу, что в наши дни никто не верит в феодализм, я отвечаю, что я тоже в него не верю, потому что это вообще не вопрос веры, а верю я во что-то совсем другое, что сейчас обсуждать неуместно. Я даже не стану утверждать, что феодализм – это что-то очень важное для меня, без чего мне и жизнь не в жизнь. Но я все-таки написал довольно толстую книгу о становлении феодализма в Средиземноморской Франции [13], поэтому мне странно слышать, что этой проблематикой у нас никто не занимается, потому как феодализм – это безбожно устаревший концепт или просто вздор. Во всяком случае, никто не опроверг мои построения и выводы и даже не пытался это сделать. Может быть, потому, что моя книга настолько плоха и слаба, что и спорить с ней не стоит? А может быть, загвоздка в том, что нет ни специальных знаний, ни контрдоводов? Методологией (на этом уровне, конечно) заниматься все же легче, чем источники на латыни читать. Вообще одной из самых пикантных особенностей крестового похода постсоветских медиэвистов против феодализма является тот факт, что он был организован совсем не теми людьми, которые, профессионально занимаясь историей сеньориального строя и вассально-ленных отношений, самой логикой своих исследований были подведены к мысли о том, что феодализм является ничем иным конструктом, ничего не дающим для изучения Средневековья. Так нет же! Крестовый поход (я сказал бы даже: похоронную процессию) возглавили люди, никогда этой проблематикой не занимавшиеся и, называя вещи своими именами, мало в ней смыслящие и изучающие явления, для постижения которых понятие «феодализм» и в самом деле почти или вовсе ничего не дает. При этом они упорно не желают послушать

тех, которые что-то понимают в «феодальной» проблематике, или почитать, что те написали.

Можно ли обойтись без этого понятия при описании средневекового общества? Можно, и не так давно была предпринята удачная попытка это доказать в конкретно-историческом исследовании. Я имею в виду блестящую книгу американского историка Фредерика Шейета «Эрменгарда Нарбоннская и мир трубадуров» [19]. Автор писал этот труд несколько десятилетий, и, как он сам мне поведал, одной из его скрытых целей было продемонстрировать, что вполне реально изобразить западноевропейское общество XII века, пронизанное вассально-ленными и сеньориальными отношениями, не прибегая к термину «феодализм». В рецензии на эту книгу я написал, что, коль скоро отсутствие этого термина не бросается в глаза (разве что в главе об обмене дарами, где речь по большей части идет об инфеодации замков и вытекающих из нее отношений между сеньором и вассалом), автора следует поздравить с выполнением этой задачи. Однако справился он с ней не в последнюю очередь потому, что работал в определенном жанре. Перед нами биография нарбоннской виконтессы Эрменгарды, чья жизнь, протекавшая в середине и второй половине XII века, показана, правда, на широком фоне культуры, политических событий и повседневных обычаев ее времени, но тем не менее это биография, а не исследование общественного строя. Конечно, многие современные историки спросят, зачем его вообще изучать и характеризовать. Слов нет, если автор поглощен выяснением того, в чем заключен символический смысл высунутого языка черта на портале готического собора (выражение П. Ю. Уварова), то вопрос о природе общественного строя той эпохи, несмотря на то что она породила этот собор, действительно не самый важный. Уточню, что я совсем не против таких штудий, они по-своему нужны, и вообще – каждому свое. Но при анализе многих других вопросов, частных и не очень, все же желательно иметь представление и об общественном строе Средневековья.

Как же его охарактеризовать? Не воспользоваться ли словами, образованными от термина «сеньория»? Но ведь он не охватывает сферу вассально-ленных отношений, подобно тому как термин *féodalité* («феодальность») не охватывает сферу отношений между сеньором и зависимыми от него людьми, да и не всюду в средневековой Европе существовала сеньория. Школьные

учебники по обществознанию, да и многие книги, адресованные взрослым читателям, определяют общества, существовавшие до Нового времени, как доиндустриальные, традиционные и патриархальные. Эти определения, безусловно, информативны, но ведь они относятся не только к Средневековью, но и ко всей докапиталистической эпохе. Так не лучше ли все-таки пользоваться понятием «феодализм»? При всех его недостатках, прежде всего семантических (феод имеет мало общего с внутренним миром сеньории) и историографических (я имею в виду сведение его к эксплуатации зависимых крестьян, характерное для большей части советского периода и для большинства советских, думаю, и современных российских историков), оно все же помогает осмыслить средневековое общество в единстве вассально-ленных и сеньориальных отношений, каковые, впрочем, средневековое общество не исчерпывали. Кроме того, за ним стоит долгая научная традиция. Однако вопрос о том, каким именно термином обозначить социальную специфику Средневековья, на мой взгляд, не самый принципиальный; не удастся сойтись на приемлемом термине – на худой конец сгодится и цифровое или алгебраическое обозначение. Главное – эту специфику понять и хотя бы в общих чертах сформулировать. Но похоже, что некоторым коллегам (многим ли, судить не берусь) как раз это представляется неинтересным, неважным, в принципе невозможным и даже нежелательным.

В связи с этим будет, пожалуй, правильно обнародовать факт, имевший место несколько лет назад. Когда весной 2005 г. в Институте всеобщей истории был организован семинар по проблеме феодализма, я находился в Дублине. Но мне было что сказать о ней, поэтому я написал латинскими буквами небольшой текст о своем видении этой проблемы, представлявший собой по большей части отклик на доклад А. Я. Гуревича, озаглавленный «Феодализм перед судом историков, или О средневековой крестьянской цивилизации», и отправил этот текст в Москву. Отклик был вполне вежливый, но критический. В частности, я обратил внимание на то, что в западной историографии последних лет проблема феодализма обсуждается весьма активно, в том числе на специально собираемых с этой целью международных конференциях. В дополнение к названному А. Я. Гуревичем сборнику «Современность феодализма» [21] я упомянул еще два, на мой взгляд, более важных; во всяком случае,

в них были опубликованы статьи лучших медиевистов Западной Европы и США, в том числе Д. Бартелеми, Д. Бейтса, Т. Биссона, П. Боннаси, Х. А. Гарсия де Коркасара, П. Гири, А. Кариле, А. Кастаньетти, Х.-Х. Ларреа, Ф. Сабатэ, П. Тубера, С. Уайта, К. Уикхэма, П. Фридмана [24; 26]. Г. А. Попова набрала мой текст в кириллице, и он был зачитан на семинаре. Однако когда три года спустя дело дошло до публикации докладов в виде сборника статей [12], моего текста в нем не оказалось, и попытки выяснить, как же так случилось, результатов не дали. Мне, правда, дали понять, что А. Я. Гуревичу и некоторым его сторонникам мой текст не понравился. При таких методах ведения дискуссии, живо напоминающих дела не столь давно минувших дней, не приходится удивляться, что в нашем кругу бытует мнение, что понятие «феодализм» уже давно пылится на свалке истории, куда его отправили прогрессивные западные ученые, и только мы, неучи и ретрограды, почему-то цепляемся за него. Кстати, из «антифеодальных выступлений» сегодняшних российских историков не всегда можно понять, что именно они подразумевают под феодализмом. В числе немногих, которые ясно формулируют свою позицию на этот счет, – И. В. Дубровский, для него феодализм – это однозначно система вассально-ленных связей, но никак не общественно-экономическая система [6]. В зарубежной медиевистике понятие «феодализм» также имеет различное наполнение. К. Уикхэм выделяет по меньшей мере пять его современных трактовок, в той или иной мере характерных для основных национальных историографий Западной Европы [32]. Думаю, что российские историки не всегда отдают себе отчет в этом многообразии позиций.

В современной отечественной медиевистике понятия «феодализм», «феодальность», «феодальный» – редкие гости. Западные коллеги их используют, напротив, часто (хотя ситуация различается от страны к стране), как правило, для обозначения отношений внутри средневековой землевладельческой элиты, реже, вслед за Марком Блоком, – для обозначения социального строя центрального Средневековья [1]. В последние годы этот подход защищал, например, авторитетнейший французский медиевист Пьер Тубер, заявивший к тому же, что термину «феодальность» он предпочитает термин «феодализм» как более общий и охватывающий «институты и структуры» [8]. Список современных книг, в названии которых фигурировали бы выражения

«феодалная эпоха», «феодалный мир», конечно, «феодалное общество» и т. д., был бы очень длинным, и я ограничусь лишь парой свежих примеров [20; 27]. В привычном для нас марксистском смысле (насколько он на самом деле марксистский – другой вопрос, который сейчас обсуждать неуместно) эти термины употребляются гораздо реже, разве что в Испании, но все больше исследователей склоняются к тому, что вассалитет и система феодалов, с одной стороны, и сеньория – с другой, не были разделены китайской стеной [16; 28], что, на мой взгляд, главное. Эти факты и наблюдения я и хотел донести до участников круглого стола 2005 г. Но не тут-то было... Игнорировать и замалчивать мнение оппонента, вообще человека, придерживающегося других взглядов и сообщающего попутно о взглядах многих неизвестных у нас авторов, что и говорить, удобно. Гегель когда-то сказал, что в науке не имеют значения три вещи: субъективное мнение, заверение и ссылка на субъективное мнение. Хорошо сказано! Но, возможно, ему следовало в этом ряду упомянуть и замалчивание неугодных мнений. При отстаивании своего места под солнцем это достаточно эффективное средство, но к настоящей науке оно отношения не имеет.

К проблеме содержания понятия «Средние века» можно подойти и с совсем других позиций. Вполне возможно, что ключ к ней находится в той комнате, где это понятие и родилось. С его помощью гуманисты пытались осмыслить катастрофу падения Древнего Рима и гибель античной цивилизации. Для них, как и для очень многих мыслителей последующих столетий, корни подлинной культуры и их собственной идентичности были, конечно, в Античности, прекрасной завораживающей Античности, которая до сих пор дорога любому нормальному европейцу. Мы все родом из греко-римского мира – кто из нас не подпишется под этими словами? Но ведь возможен и другой взгляд на проблему: тот мир был от нас гораздо более далек, чем средневековый, хотя об этом говорят нечасто. И дело не только в рабстве, которое пронизывало и разъедало античную культуру, но и в восприятии иноземцев как заведомо низших существ, чья культура по большей части вообще не заслуживает внимания, и в существенно более низком, чем в Средние века, общественном статусе женщины (особенно в Греции), и в ярко выраженной политической сегментарности, характерной даже для Римской империи (например, в отличие

от Средневековья или Нового времени в Риме было невозможно представить себе перегонное скотоводство, игнорирующее границы *civitates* [30]), и, конечно, в заметно более архаичных обычаях, обрядах, верованиях и представлениях о мироздании, зачастую имеющих для нас неизъяснимое очарование, но, несомненно, более архаичных, чем в Средневековье.

Не менее важно другое: тот мир погиб, пылая оставив богатейшее наследие, но погиб безвозвратно. Ни одна библиотека, ни один архив, ни одно собрание предметов искусства не пережили крушение Рима, ни один знатный род Европы не может проследить свою родословную до римских времен, и лишь один институт Римской империи дожил до наших дней – это Церковь. А вот средневековая цивилизация не погибла, а плавно, без больших потрясений трансформировалась в цивилизацию Нового времени. В этом прежде всего и заключается ее уникальность, вероятно, и главное историческое достижение. С этой точки зрения Средние века – это не столько та эпоха, что следует за Античностью, сколько та, что предшествует Новому времени. Неслучайно между ними так трудно найти цезуру, как правило, ее попросту нет, разве что в Византии, но не о ней сейчас речь: ведь Византия просто перестала существовать, правда, оставив после себя богатейшее культурное наследие. К счастью, судьба других стран Европы была, как правило, иной: поступательное движение, демографический, экономический и культурный рост, способность к дальнейшему развитию при сохранении ранее достигнутых результатов.

Подавляющее большинство профессиональных историков, не говоря уже обо всех других, не подозревают, сколь многие институты современного мира являются продуктом Средних веков: представительная демократия, суд присяжных, университеты, профессиональные объединения, фирма как юридическое лицо, банк, биржа... И сколь многие материальные явления, в том числе книгопечатание, огнестрельное оружие, механические часы, очки, компас, мыло, тоже пришли оттуда... А ведь есть и другие ряды фактов, которые нужно принять в расчет. И современная европейская диета, и одежда и обувь человека нашего времени, и устройство и убранство его дома, и многие формы досуга и развлечений, например парные танцы мужчин и женщин, – все это в общем и целом сложилось в Средние века. Во многих городах и

даже деревнях Западной и Центральной Европы люди подчас все еще живут в домах, построенных или хотя бы заложенных в Средние века, ходят в средневековые храмы, учатся в возникших в ту эпоху университетах и веселятся на придуманных тогда праздниках. А еще надо бы вспомнить рыцарскую честь, милосердие, любовь в ее современном понимании или, скажем, национальные государства, порой в тех же или почти тех же границах, что и в наши дни, и ярко выраженную региональную (баварец, норманец, тосканец...) и даже локальную идентичность, сочетающуюся, однако, с идентичностью общеевропейской, и многое-многое другое. Не менее важно то, что средневековая Европа сумела сохранить, а затем и развить многие достижения Античности: римское право, муниципалитеты, базовую систему образования, христианство... Она обнаружила также редкую способность заимствовать изобретения других цивилизаций; примерами могут служить арабские цифры и алгебра. Несмотря на все темные и просто страшные стороны Средневековья, общий баланс потерь и достижений, несомненно, положительный. Но главное все-таки то, что в отличие от античной цивилизации и многих цивилизаций средневекового Востока европейская цивилизация Средневековья не погибла, несмотря на все внутренние кризисы и внешние вызовы, и оказалась способной к устойчивому саморазвитию практически без катастроф. В конечном счете, именно это обеспечило ей уже с XII века растущее превосходство в западной части Старого света, а с XVI века – на всей планете.

Почему это стало возможным – загадка из загадок. Можно сказать, что дело в особом социуме, особой культуре, особом типе личности. Это наверняка правильно, но ведь это лишь промежуточные ответы. Описать эти особые, точ-

нее уникальные, явления, тем более объяснить, почему они возникли, уцелели и развились (в целом мне созвучны мысли, высказанные на этот счет П. Ю. Уваровым [11]), крайне сложно, но вполне ясно, что они-то и составляют главное содержание европейского Средневековья – юности современной западной цивилизации.

До Первой мировой войны подразумевалось, что она будет успешно развиваться и впредь. Страшная, безумная война поколебала эту уверенность, и уже Шпенглер поставил вопрос о том, не исчерпала ли себя западная цивилизация и не наступает ли закат Европы. За последние десятилетия и даже за последние годы деструктивные процессы в ней со всей очевидностью усилились, но она все еще определяет ход мировой истории, и истоки этой поразительной силы и жизнеспособности следует искать как в Античности, так и в Средневековье. Очень часто причины сегодняшних конфликтов, в первую очередь религиозных и национальных, как и причины благополучия и успехов одних народов и неблагополучия и неудач других, также таются в далеком прошлом, в первую очередь средневековом. И если действительно нужно обосновывать необходимость нашего цеха современному обществу и задаваться вопросом «нужны ли мы нам?» (шутливая формулировка братьев Стругацких), профессиональная способность разобраться в этом ворохе сложнейших насущных проблем будет самым убедительным из возможных аргументов. Для России, лишь отчасти являющейся европейской страной, эти проблемы, может быть, еще более актуальны, чем для наших западных соседей, поскольку заставляют задуматься, что же в нашем прошлом, прежде всего средневековом, повело нашу страну по особому пути, и постараться сделать на этот счет по возможности разумные выводы.

Библиография:

1. Блок М. Феодальное общество. М.: Издательство имени Сабашниковых, 2003. 502 с.
2. Бойцов М. А. Средневековье – в «реальности» или только в нашем сознании? // [Электронный ресурс] – URL: <http://www.hse.ru/data/2012/05/26/1253617231/VvedenieSait.doc> (дата обращения: 26.12.14)
3. Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 352 с.
4. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970. 203 с.
5. Долгое Средневековье. Сборник в честь профессора Аделаиды Анатольевны Сванидзе / Отв. ред. А. К. Гладков, П. Ю. Уваров. М.: Кучково поле, 2011. 576 с.
6. Дубровский И. В. Как я понимаю феодализм? // Конструирование социального. Европа. V–XVI вв. / Сост. П. Ю. Уваров, И. В. Дубровский. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 170–182.
7. Ле Гофф Ж. В поддержку долгого Средневековья // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс, 2001. С. 31–38.
8. Тубер П. История структур Средневековья (Беседа с Н. Оффенштадтом) // Средние века. 2007. Вып. 68 (1). С. 69–91.
9. Уваров П. Ю. «Роскошь феодализма» // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М.: Наука, 2012. С. 810–818.

10. Уваров П. Ю. Что такое «Средние века»? // Всемирная история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М.: Наука, 2012. С. 5–15.
11. Уваров П. Ю. XII столетие и секрет средневекового Запада: обретение форм // Средние века. 2013. Вып. 74 (3–4). С. 42–59.
12. Феодализм. Понятие и реалии / Под ред. А. Я. Гуревича, С. И. Лучицкой, П. Ю. Уварова. М., 2008. 277 с.
13. Филиппов И. С. Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма. М.: Скрипторий, 2000. 799 с.
14. Хачатурян Н. А. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. 2009. Вып. 68 (1). С. 6–35.
15. Читательская конференция журнала «Средние века» // Средние века. 2009. Вып. 70 (1–2). С. 8–138.
16. Bonnassie P. Le servage: une sous-féodalité? Le témoignage des documents catalans (fin XI–XIII siècle) // La Servitude dans les pays de la Méditerranée occidentale chrétienne au XII siècle et au-delà: déclinante ou renouvelée? Mélanges de l'École Française de Rome. 2000. T. 112. № 2. P. 643–661.
17. Brown E. A. R. The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe // American Historical Review. 1974. Vol. 79. P. 1063–1088.
18. Cantor N. Inventing the Middle Ages: The Lives, Works and Ideas of the Great Medievalists of the Twentieth Century. New York: Morrow, 1991. 477 p.
19. Cheyette F. L. Ermengarde of Narbonne and the World of the Troubadours. Ithaca; London: Cornell University press, 2001. XV, 474 p.
20. Cluny, les moines et la société au premier âge féodal / Dir. D. Iogna-Prat, M. Lauwers, F. Mazel et I. Rosé. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2013. 592 p.
21. Die Gegenwart des Feudalismus – Présence du féodalisme et présent de la féodalité – The Presence of Feudalism / Hrsg. von N. Fryde, P. Monnet, O. G. Oexle. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002. 327 S.
22. Duby G. Qu'est-ce que la société féodale? Paris: Flammarion, 2002. 1780 p.
23. Durliat J. Les finances publiques de Diocletien aux Carolingiens (284–888). Sigmaringen: Thorbecke, 1990. 368 p.
24. El temps i l'espai del Feudalisme. Reunió científica VI Curs d'Estiu. Comtat d'Urgell (Balaguer, 11, 12 i 13 de juliol de 2001) / Coordinadors F. Sabaté i J. Farré. Lleida: Pagès editors, 2004. 644 p.
25. Guerreau A. L'avenir d'un passé incertain: Quelle histoire du Moyen Age au XXI siècle? Paris: Le Seuil, 2001. 343 p.
26. Il feudalesimo nell'alto medioevo. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo, XLVII, 8–12 aprile 1999. Spoleto, 2000. 1026 p.
27. La Dime, l'Eglise et la Société féodale / Ed. par M. Lauwers. Turnhout: Brepols, 2012. 634 p.
28. Les féodalités / Sous la dir. de E. Bournazel et J.-P. Poly. Paris: Presses Universitaires de France, 1998. 807 p.
29. Medievalism in the modern world: essays in honour of Leslie J. Workman / Ed. by R. J. Utz and T. A. Shippey. Turnhout: Brepols, 1998. 452 p.
30. Philippov I. La transhumance dans les Alpes françaises du Haut Moyen Age // Vie, culture et société dans les Alpes. Actes du Colloque International d'Histoire et d'Archéologie sur l'Arc Alpin. Gap, 28 et 29 septembre 2002. Gap, 2005. P. 101–106.
31. Reynolds S. Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford: Oxford University press, 1994. XI, 544 p.
32. Wickham Ch. Le forme del feudalesimo // Il feudalesimo nell'alto medioevo. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. XLVII. 8–12 aprile 1999. Spoleto, 2000. P. 15–46.

References (transliterated):

1. Blok M. Feodal'noe obshchestvo. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovoykh, 2003. 502 s.
2. Boitsov M. A. Srednevekov'e – v «real'nosti» ili tol'ko v nashem soznanii? // [Elektronnyy resurs] – URL: <http://www.hse.ru/data/2012/05/26/1253617231/VvedenieSait.doc> (data obrashcheniya: 26.12.14)
3. Gurevich A. Ya. Izbrannye trudy. T. 1. Drevnie germantsy. Vikingi. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. 352 s.
4. Gurevich A. Ya. Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoi Evrope. M.: Vysshaya shkola, 1970. 203 s.
5. Dolgoe Srednevekov'e. Sbornik v chest' professora Adelaidy Anatol'evny Svanidze / Otv. red. A. K. Gladkov, P. Yu. Uvarov. M.: Kuchkovo pole, 2011. 576 s.
6. Dubrovskii I. V. Kak ya ponimayu feodalizm? // Konstruirovaniye sotsial'nogo. Evropa. V–XVI vv. / Sost. P. Yu. Uvarov, I. V. Dubrovskii. M.: Editorial URSS, 2001. S. 170–182.
7. Le Goff Zh. V podderzhku dolgogo Srednevekov'ya // Le Goff Zh. Srednevekovyi mir voobrazhaemogo. M.: Progress, 2001. S. 31–38.
8. Tuber P. Istoriya struktur Srednevekov'ya (Beseda s N. Offenshtadtom) // Srednie veka. 2007. Vyp. 68 (1). S. 69–91.
9. Uvarov P. Yu. «Roskosh' feodalizma» // Vsemirnaya istoriya. T. 2. Srednevekovyye tsivilizatsii Zapada i Vostoka. M.: Nauka, 2012. С. 810–818.
10. Uvarov P. Yu. Chto takoe «Srednie veka»? // Vsemirnaya istoriya. T. 2. Srednevekovyye tsivilizatsii Zapada i Vostoka. M.: Nauka, 2012. С. 5–15.
11. Uvarov P. Yu. XII stoletie i sekret srednevekovogo Zapada: obretenie form // Srednie veka. 2013. Vyp. 74 (3–4). S. 42–59.
12. Feodalizm. Ponyatie i realii / Pod red. A. Ya. Gurevicha, S. I. Luchitskoi, P. Yu. Uvarova. M., 2008. 277 s.
13. Filippov I. S. Sredizemnomorskaya Frantsiya v rannee Srednevekov'e. Problema stanovleniya feodalizma. M.: Skriptorii, 2000. 799 s.
14. Khachatryan N. A. Obshchestvennaya sistema i printsip otnositel'nosti. K voprosu o sodержanii kontsept-yavleniya «feodalizm» // Srednie veka. 2009. Vyp. 68 (1). S. 6–35.
15. Chitatel'skaya konferentsiya zhurnala «Srednie veka» // Srednie veka. 2009. Vyp. 70 (1–2). S. 8–138.

16. Bonnassie P. Le servage: une sous-féodalité? Le témoignage des documents catalans (fin XI–XIII siècle) // *La Servitude dans les pays de la Méditerranée occidentale chrétienne au XII siècle et au-delà: déclinante ou renouvelée? Mélanges de l'Ecole Française de Rome*. 2000. T. 112. № 2. P. 643–661.
17. Brown E. A. R. *The Tyranny of a Construct: Feudalism and Historians of Medieval Europe* // *American Historical Review*. 1974. Vol. 79. P. 1063–1088.
18. Cantor N. *Inventing the Middle Ages: The Lives, Works and Ideas of the Great Medievalists of the Twentieth Century*. New York: Morrow, 1991. 477 p.
19. Cheyette F. L. *Ermengarde of Narbonne and the World of the Troubadours*. Ithaca; London: Cornell University press, 2001. XV, 474 p.
20. *Cluny, les moines et la société au premier âge féodal* / Dir. D. Iogna-Prat, M. Lauwers, F. Mazel et I. Rosé. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2013. 592 p.
21. *Die Gegenwart des Feudalismus – Présence du féodalisme et présent de la féodalité – The Presence of Feudalism* / Hrsg. von N. Fryde, P. Monnet, O. G. Oexle. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002. 327 S.
22. Duby G. *Qu'est-ce que la société féodale?* Paris: Flammarion, 2002. 1780 p.
23. Durliat J. *Les finances publiques de Diocletien aux Carolingiens (284–888)*. Sigmaringen: Thorbecke, 1990. 368 p.
24. *El temps i l'espai del Feudalisme. Reunió científica VI Curs d'Estiu. Comtat d'Urgell (Balaguer, 11, 12 i 13 de juliol de 2001)* / Coordinadors F. Sabaté i J. Farré. Lleida: Pagès editors, 2004. 644 p.
25. Guerreau A. *L'avenir d'un passé incertain: Quelle histoire du Moyen Age au XXI siècle?* Paris: Le Seuil, 2001. 343 p.
26. *Il feudalesimo nell'alto medioevo. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo, XLVII, 8–12 aprile 1999*. Spoleto, 2000. 1026 p.
27. *La Dîme, l'Eglise et la Société féodale* / Ed. par M. Lauwers. Turnhout: Brepols, 2012. 634 p.
28. *Les féodalités* / Sous la dir. de E. Bournazel et J.-P. Poly. Paris: Presses Universitaires de France, 1998. 807 p.
29. *Medievalism in the modern world: essays in honour of Leslie J. Workman* / Ed. by R. J. Utz and T. A. Shippey. Turnhout: Brepols, 1998. 452 p.
30. Philippov I. *La transhumance dans les Alpes françaises du Haut Moyen Age* // *Vie, culture et société dans les Alpes. Actes du Colloque International d'Histoire et d'Archéologie sur l'Arc Alpin*. Gap, 28 et 29 septembre 2002. Gap, 2005. P. 101–106.
31. Reynolds S. *Fiefs and Vassals. The Medieval Evidence Reinterpreted*. Oxford: Oxford University press, 1994. XI, 544 p.
32. Wickham Ch. *Le forme del feudalesimo* // *Il feudalesimo nell'alto medioevo. Settimane di studio del Centro italiano di studi sull'alto medioevo. XLVII. 8–12 aprile 1999*. Spoleto, 2000. P. 15–46.